

Какие модели межнационального взаимодействия мы можем предложить нашим детям?

Ольга Маховская

старший научный сотрудник Института психологии РАН, эксперт Московского бюро по правам человека

Вступление

По профессии я - кросс-культурный психолог. Работаю также исследователем, публицистом и общественником. Восемнадцать лет я принимаю участие в разработке и реализации международных проектов по межкультурному взаимодействию, начиная с самых первых телемостов между США и СССР в 1986-87 годах. Участвовала в проектах, обеспечивающих психологическую поддержку российским ученым, преподавателям и детям, вступающим в поле международной коммуникации (Интернет появился позже). Я была экспертом и сопровождала первые группы одаренных детей из нашей страны в международные лагеря для талантливой молодежи во Францию и Шотландию. В 1998 году была открыта исследовательская программа по взаимодействию с детьми постсоветских эмигрантов в США и Франции, включающая в себя их поддержку, изучение их детской природы, ее особенностей. Три года я организовывала визиты детей российских эмигрантов из Франции и США в подмосковные лагеря отдыха. Три раза становилась организатором международных круглых столов, на которых обсуждались проблемы развития и социализации детей в условиях массовых миграций - во Франции (Париж, 2000), в России (Москва, Гербовый зал Государственной думы, 2001), в США (Сиэтл, 2002).

О чем сейчас, после террористического акта в Беслане, может говорить с детьми специалист-психолог? О том, что мир стремится к гармонии? Но дети, ставшие свидетелями или жертвами осетинской трагедии, ни за что в это поверят. Не заболтали ли мы вопросы межнационального взаимодействия настолько, что уже сами не знаем, о чем говорим? Какие интерпретации происходящего, какие рекомендации по взаимодействию друг с другом, какие инструменты межкультурного общения мы готовы предложить нашим детям?

Мой кругозор и поле деятельности ограничено треугольником Россия - США - Франция, еще точнее - православная Россия - протестантские Соединенные Штаты Америки - католическая Франция. Сегодня о войне цивилизаций говорят все. Даже люди на улицах. В этих условиях осознание собственной принадлежности к определенной цивилизации просто необходимо. Без выработки цивилизационной идентичности вряд ли можно обойтись. Причисление себя в этих условиях к космополитам фактически означает самоустранение из опасного поля национальных и цивилизационных взаимодействий и противостояний, основанных как на сходствах, так и на различиях.

Психологические механизмы функционирования ксенофобии и этнической нетерпимости

Вопрос, на который я попытаюсь дать психологический ответ, звучит так: почему ксенофобия и национальная неприязнь так устойчивы, продолжают существовать, несмотря на колоссальные

усилия просветителей, общественных деятелей и политиков? Как это ни цинично звучит, они не исчезают из нашей жизни потому, что являются нормальными проявлениями человека. Нормальными - с точки зрения медиков.

Ксенофобия - это переживание страха и неприязни по отношению к чужакам, неизвестным или непонятым людям. Ксеноцентризм - другой полюс этого явления, напротив, обозначает приписывание всех достоинств другому народу или группе. Своя собственная группа при этом считается неудачной, неспособной к достижениям. В основании оценки групп и идентификации с ними лежит механизм стереотипизации. Стереотип - это устойчивое, как правило, оформленное в простые формулировки, суждение, разделяемое группой.

Механизм стереотипизации выполняет гораздо более сложную психологическую функцию, чем простое обозначение, категоризация объектов внешнего мира. Люди оценивают события и их участников как хорошие или плохие не потому, что они плохо воспитаны, а потому что психика любого биологического существа амбивалентна, с положительным и отрицательным знаком. Плюс-минус оценка - это экономный и эффективный способ ориентации в сложной среде, сигналы благополучия и опасности. Эта пристрастность, перекошенность социального восприятия изучалась английскими психологами Тажфелом и Тернером. Их эксперименты раз за разом показывали, что человек или событие, которые оцениваются позитивно, воспринимаются более подробно и уверенно, чем те люди и события, которые испытуемые не одобряют. Условно говоря, по отношению к неприятным людям наступает слепота: я не знаю, кто он, но, поскольку он мне неприятен, я ничего не хочу знать о нем. Таким образом, с одной стороны, психика экономит свои ресурсы, с другой же - защищает поле "Я" человека. Любого человека, даже законченный негодяй, воспринимает себя как "нормального, хорошего", то есть оценивает себя по большому счету положительно.

Начиная с 70-х прошлого века эксперименты по социальному восприятию Тажфела и Тернера неоднократно повторялись, демонстрируя перекошенность, ангажированность психики как отдельных людей, так и целых групп.

Одновременно ученые стали исследовать феномен массовых миграций. Согласно самой популярной концепции взаимодействия культур канадца Дж. Берри, существует четыре формально возможные стратегии аккультурации эмигрантов, не зависящие от национальных менталитетов. Они связаны с переопределением позиции человека по отношению к старой и новой культуре, своему или чужому окружению: ассимиляция (отказ от своего прошлого культурного опыта, принципиальная ориентация на культуру страны въезда), сепаратизм (сохранение своих норм и ценностей как превосходных по отношению к культуре страны въезда), интеграция (желание совместить в своем поведении преимущества своей культуры и культуры страны въезда), маргинализация (отказ как от одной, так и от другой культур).

Стратегия интеграции является более продуктивной и перспективной, органичной с точки зрения преимущественности и развития человеческого опыта; она сопровождается меньшими личностными потерями. При этом интеграция, как любая жизненная стратегия, не является результатом простого суммирования опыта двух культурных групп, а во многом формируется в результате индивидуального поиска самого человека, благодаря его активности и инициативе. Однако интеграция - это долгая история внутренней ломки и персональных выборов. Сравнительный анализ поведения представителей разных культур в сходных ситуациях показывает, что у иммигрантов часто не оказывается выбора по причине несовместимости требований, предъявляемых человеку различными культурами. Жизнь человека, который родился в одном

месте, а вырос в другом, и при этом должен еще куда-то переезжать, незавидна. О деморализации таких людей, потере ими витальности, испытываемом ими культурном шоке написаны сотни исследований.

Воспроизводство этничности, стереотипов (Социологические подходы)

В социологии, которая интересуется не столько психологическими механизмами, сколько закономерностями в жизни различных обществ, устойчивость негативных стереотипов объясняется их постоянным воспроизводством.

Существует три концепции, рассматривающие природу этничности. Первая, эссенциализм, утверждает, что у этничности есть свои биологические предпосылки, которые и делают ее неистребимой. Этническая неприязнь, согласно этому подходу, может быть преодолена только в результате стирания физических, фенотипических различий. Второй подход, инструментализм, исходит из того, что этничность - это фикция, ее можно переинтерпретировать в неэтнических категориях. Другими словами, если обществу будет это нужно, оно задаст другую сеть критериев и категорий для идентичности.

Наконец, наиболее популярная и признанная теория - социальный конструктивизм. Этничность здесь рассматривается как результат символической деятельности отдельного индивида по обозначению явлений, событий и агентов окружающего мира, как видовая категория по отношению к идентичности, рядоположенная с другими идентичностями - профессиональной, социально-классовой, возрастной, половой, религиозной. Идентичность в целом - результат социального взаимодействия - возникает как результат проекции человеком на себя ожиданий и норм других.

Независимо от того, отождествляют ли себя индивиды с той или иной группой, они оказываются "объективно" ей принадлежащими на том основании, что в социальном взаимодействии опознаются как представители данной группы. Их внешняя дискриминация запускает в действие механизм самоидентификации: люди начинают вести себя в соответствии с представлениями окружения. Г. Зиммель в своем знаменитом "Экскурсе о "Чужом" приводит такой пример: в средневековых германских городах все граждане христианского вероисповедания должны были платить налоги, размер которых определялся процентом с доходов. Иудеи же, некрещеные евреи, должны были платить фиксированный налог. То есть к ним относились не как к членам "родной" группы, а как к чужакам. Социальная позиция общества и отдельных его представителей по отношению к еврею диктовалась его национальной принадлежностью.

Членом этнической группы человек становится из-за своего биологического происхождения, приписываемой ему роли. И чтобы он ни делал, изменить свою идентичность ему будет довольно сложно. О нем скорее скажут: "Он хороший, но вы же знаете, он - еврей" вместо: "Он хороший еврей". И уж тем более не скажут "Он - хороший человек" без указания на еврейство.

Французский социолог П. Бурдьё считает, что отношения между средой и этничностью индивида носят динамический характер. Предметом исследования и трансформаций должно быть не только сознание этнической группы, но также представления и механизмы восприятия членов большой группы, принимающего общества. Если нормы "большой" и "маленькой" групп противостоят друг другу, то их интеграция и смешивание могут произойти только во встречном движении. Если члены данной группы не вписываются в новую для них реальность, то объяснение

этого обстоятельства следует искать не в свойствах, изначально присущих их "этничности", а в конкретной социальной ситуации, блокирующей определенные возможности жизненного выбора и тем самым предопределяющей индивидуальные стратегии поведения.

Этническое разделение труда - наиболее распространенный источник формирования и воспроизведения феномена этничности. Исторически сложившееся распределение социальных ролей, закрепленное юридически и экономически, стратифицирует общество по этническому признаку. История колонизации - классический пример. За выходцами из метрополии закрепляются властные функции и привилегии, за аборигенами - тяжелый физический труд и бесправная позиция представителей низшей касты или расы. Российские мегаполисы - Москва, Петербург - сейчас отражают этническое разделение труда. Более того, между самими диаспорами существует конкуренция. Таджики работают на стройках у более успешных и укорененных в столицах азербайджанцев.

Эти примеры из психологии и социологии показывают, что ксенофобия и этническая неприязнь могут быть объяснены как нормальное и закономерное явление. В связи с этим возникает вопрос: как изменить ситуацию? Как нейтрализовать угрозу взаимного уничтожения и презрения? Мне кажется, что решение этих проблем лежит в области политики и анализа конкретных ситуаций взаимодействия. До падения "железного занавеса" политика опережала анализ. Теперь мы сплошь и рядом наталкиваемся на ограниченность старых политических подходов в решении национальных вопросов.

Ограниченность моделей взаимодействия культур и цивилизаций

Очень важно, чтобы два форпоста борьбы с мировым терроризмом - США и Россия - договорились стратегически о взаимодействии в этой области. Для этого нужно, чтобы оба государства выбрали верное русло для развития своих собственных взаимоотношений, некую продуктивную метафору и - вместе с ней - модель поведения. "Союзники в войне", "холодная война", "сокращение вооружений" - эти формулировки свидетельствуют о том, что до сих пор политика в области регулирования взаимоотношений использовала в основном язык войны. Как будут развиваться далее отношения бывших идеологических врагов, являющихся сегодня сторонниками рыночных отношений и противниками терроризма?

Неконгруэнтность внутренних политик в вопросах межнациональных отношений оставляет США и Россию в объективной оппозиции. Надеяться на мирное и плодотворное сотрудничество позволяет интенсивный переговорный процесс между двумя странами.

Теория "Диалога культур"

Перестройка началась с романтических ожиданий по отношению к Западу. Владимир Познер писал: "Я давно обратил внимание, что отношение к американцам иное, чем к другим иностранцам: больше интереса. Больше симпатий, если хотите, больше чувства общности. И это несмотря на все отрицательные моменты и негативные эмоции, которые может вызывать американская политика". ("Америка, какой мы ее видим", Москва: Международные отношения, 1989) В той же брошюре приводятся цифры, которые иллюстрируют симпатии к американцам в самом начале перестройки. По опросам москвичей в 1989 году 9 % москвичей считали США "близким союзником", 52 - "дружеской страной", 32 - "не дружественной, но и не враждебной", и только 1 процент - врагом.

Я была несколько озадачена этими сведениями, так как работала в команде исследователей на знаменитых телемостах "США-СССР" в 1986-1987 годах (самые известные из них вел как раз Владимир Познер, ныне Президент Академии телевидения России). В соответствии с моими данными, при общем пафосе программ, проходящих под лозунгами дружбы и братства, срабатывал, скорее принцип внутригруппового фаворитизма: советские зрители воспринимали соотечественников, участвовавших в телемосте, позитивно, болели за них, ругая при этом американцев за их агрессивность и невоспитанность. Более того, повторение процедуры оценки участников программы советскими зрителями показало, что уже через две недели после программы они по-прежнему с радостью и подробно вспоминают "своих", а о "чужих" могут сказать только то, что их выступления были неприятны, возмутительны. При этом уже ни лиц, ни высказываний вспомнить не могут или говорят наобум, путаются. У меня осталось впечатление, что первые телемосты только актуализировали негативные стереотипы - как с американской, так и советской стороны. Эти программы, как мне тогда казалось, и как я и теперь убеждена, держались на энтузиазме и наивных убеждениях, творческих амбициях организаторов, людей авторитетных, обладающих харизмой. И это еще один пример того, как в условиях ограниченного времени и малой просвещенности публики убежденные и неистовые люди могут управлять ситуацией, имитируя диалог.

Телемосты также показали, что "диалог культур" является только идеологемой, что он оставляет за рамками видимого всем взаимодействия скрытые конфликтные отношения, которые складываются между представителями двух культур и которые нельзя и невозможно игнорировать. Следует учитывать и то, что репертуар моделей межкультурного общения в условиях прямого эфира был ограниченным. (Маховская О.И. Восприятие новых коммуникативных событий в условиях дистантного межкультурного общения. - Дисс. на соиск. ст. канд. психол. наук, Москва: Институт психологии РАН, 1994.) В 1989 году вышла небольшая книга "Spacebridges: Television and US-Soviet Dialogue" (Ed. Michael Brainerd, Lanham, New York, London: University Press of America). В ней были изложены детали этого гигантского и технологически сложного проекта, но не предпринято никакого критического анализа и трудностей взаимодействия.

Было отмечено только, что зрители по-разному реагировали на телемосты, но, похоже, "наиболее прогрессивные люди понимают важность диалога между США и СССР".

В это время ставка делалась на интеллект, науку и высокие технологии. Но эти рациональные факторы не работают в условиях контекстных, нерациональных, ритуальных, традиционных культур.

Мои собственные иллюзии, если они и были, (имея стойкую аллергию на советскую идеологию и демагогию, нельзя было не чувствовать, что одна идеология сменяется другой; еще точнее: одно упрощенное представление о мире сменяется другим) испарились после разворачивания гигантского советско-американского проекта по развитию международной коммуникации в СССР (потом - в России), который начал осуществляться в 1987 году при финансовой поддержке Фонда Карнеги (США). Тогда еще не было Интернета, а к общению с иностранными коллегами, прежде всего - с исследователями из США, приглашался цвет науки: академики, доктора, кандидаты со знанием языка, хотя стратегически эта возможность должна была предоставляться всем желающим, в частности - студентам и аспирантам.

Сведения о негативных эффектах, возникших на начальном этапе включения в международную коммуникацию, были опубликованы через 10 лет после завершения исследования. Дела были

насколько плохи, что, казалось, и простая публикация данных послужит скандалом, проект будет закрыт. Российские руководители дали запрет на публикацию и включение основных данных в диссертационные материалы (Маховская О.И. Российские ученые и Интернет: Flash back and look forward. - Pro&Contra, Осень, 2001) Было очевидно, что барьеры в общении со своими коллегами есть и у либерально настроенной научной элиты. Тот факт, что российские ученые до сих пор не принимают участие в международных телеконференциях, указывает на наличие глубоких культурных различий в приемах и ритуалах общения. Принципы равенства и спонтанности общения, уже принятые и предлагаемые в американском исполнении, противоречили высокой иерархичности и статусности общения, принятого в советской науке. Директора институтов перепоручали общение со своими коллегами секретарям и помощникам, те или отлынивали от этих обязанностей, или, наоборот, устанавливали строгий контроль за индивидуальным общением, не сильно отличавшийся от контроля представителей первых отделов. Так, например, они требовали, чтобы письмо к иностранному коллеге было переведено на русский язык и завизировано начальством. С особой иронией ученые из России относились к телеконференциям:- они казались им пустой тратой времени, трепом, в них "ничего не обсуждалось". Они недоумевали: "А где повестка дня? И кто будет председателем конференции?", как будто речь шла о партийном собрании, а не открытой дискуссии. Некоторые испытывали шок из-за того, что приходилось выражать свою позицию на бумаге, в соответствии с диссидентской традицией. Очень мешала и компьютерная неграмотность.

Теперь, когда отношение к Америке поменялось, стало модным ругать американцев, я с сожалением могу сказать, что идеология и наука отстают от реальности. Первый учебник по кросс-культурной психологии в России вышел в 1999 году, когда в стране не существовало социологии как таковой. До сих пор не существует дисциплины под названием "межкультурная коммуникация" (этим занимаются лингвисты, а не психологи и социологи).

Расчет на добрую волю и миролюбивые декларации с обеих сторон - американской и российской - оправдывается ровно настолько, насколько обоюдное заверение молодоженов в вечной любви согласуется с высоким уровнем разводов в развитых странах.

Иммиграционная политика и образование

Западные страны, с которых мы стремились брать пример, очень различаются по своим подходам к межнациональным отношениям и своими иммиграционными политиками. И во Франции, и в США стараются максимально игнорировать культурную специфику новичков.

Политика Франции по отношению к своим иммигрантам заслужила название политики дальтоники (color-blind). В основании американской политики лежит идея "melting pot" - плавильного котла.

Основную оппозицию политикам составляют психологи и просветители, которым приходится работать непосредственно с иммигрантами. Во Франции такой заметной фигурой стал профессор Тоби Натан (Университет "Париж-VII"), создавший центр по работе с алжирскими иммигрантами. После многих лет работы в Африке, Тоби Натан пришел к выводу, что психотерапевтическая работа с африканцами должна учитывать их ментальность и не может проводиться так же, как с западными европейцами. В частности, здесь не работает классический психоанализ, направленный на помощь изолированному субъекту; типичный африканец, даже после переезда во Францию или какую-либо другую западную страну, остается привязанным к членам своей

общины. Методы работы Натана с иммигрантами базируются на данных многолетних исследований ментальности и ритуалов выходцев из Африки.

В США колоссальным авторитетом пользуется президент Американской ассоциации образования профессор Джеймс Бэнкс, который работает в университете штата Вашингтон, где я проводила исследование в рамках программы Фулбрайт в 2001 - 2002 годах. Его многочисленные работы посвящены проблемам поликультурного образования. Джеймс Бэнкс выступает с критикой политики "плавильного котла" (melting pot), идеологии ассимиляции, возникшей в Америке как результат реакции на Первую мировую войну. Тогда существовала огромная надежда на появление новой нации - нации американцев, в которой все народности смешаются, переродившись в личностей совершенно нового типа. На деле, пишет Бэнкс, протестантская англо-саксонская культура была и остается доминантной. Огромное влияние, которое оказала белокожая протестантская англо-саксонская культура на другие этнические группы, часто имеет вполне позитивный характер: американские правовые идеалы, представительная демократия, отделение церкви от государства. Однако уже после первой мировой войны появился призыв не только к политической, но и к культурной демократии, вместо метафоры "плавильного котла" была предложена метафора "салатной миски", в которой всякая этническая группа сохраняла бы свою специфику в общенациональном букете. Однако, как отмечает Джеймс Бэнкс, основные американские лидеры игнорировали призывы к плюралистической иммигрантской политике. Медленное распространение плюралистических взглядов стимулировалось этническими конфликтами и напряженностью в обществе в большей мере, чем интеллектуальными дебатами. В конце 30-х появились первые научные журналы об истории, специфике и проблемах афроамериканцев, несколько позже были предприняты попытки организации школ, способствующих успешной аккультурации американцев мексиканского происхождения. До сегодняшнего дня эти две категории американских иммигрантов являются основными и приоритетными группами, изучаемыми психологами и социологами в США.

По мнению Бэнкса, ошибка американцев состоит в их уверенности, что все люди хотят быть американцами. По большому счету, считает ученый, все люди такие же, как граждане Америки.

Политика и образование

Образование всегда находится в сложной ситуации: часто оно вынуждено выступать в роли интерпретатора основной политики государства. Политика плюрализма после долгой эпохи "советского тоталитаризма" закончилась разноречием в учебниках, учебных курсах, интерпретациях и мировоззрениях, которые не были в состоянии переварить ни преподаватели, ни ученики. И, странным образом, вместо новых и оригинальных развивающих подходов, которыми было так богато советское образование, новая, постперестроечная эпоха в образовании ознаменовалась двумя крайностями - пропагандой национальной идеи (под видом квасного или яростного патриотизма, поиска истины через веру), и неслыханную коммерциализацию. То есть в одной своей части оно стало реакционным, в другой - профанировало реформаторство. В результате эти две крайности фактически сомкнулись, по-своему отрицая идею прогресса, просвещения и веру в человека.

Образование и наука во всем мире являются консервативными областями жизни. Результаты их функционирования формируются медленно, проходят через бесконечные повторы и проверки, становятся наглядными только с годами, когда накапливается новое знание. Это трудный процесс, все участники которого достойны уважения.

Национальный вопрос: консерваторы, реакционеры, реформаторы

Между консерватизмом и реакционностью нет ничего общего. Консерватор-политик уверен не в прогрессе вообще (один рецепт для всех), а в специфическом прогрессе. Например, консерватор-экономист считает, что завоевания капитализма возможны в условиях протестантской этики, но Россия - православная, коллективистская страна и для успеха производства здесь важны пассионарные, неформальные лидеры, вокруг которых каждый раз будут объединяться коллективы. Консерватор-политик скажет: "Россия - это страна сильных людей и высоких идеалов, здесь нужно ставить огромные цели, заражать людей идеями". Консерватор от образования скажет: "Наше образование давало образцы выдающихся интеллектуальных достижений, тут нечего менять! Но: почему мы такие умные и такие несчастные? Где перегнули палку?" Словом, консерватор - это тот, кто семь раз отмерит, один раз отрежет, потому что истории и прошлому нужно доверять, а не шарахаться от них, как черт от ладана. Консерватизм - это искусство многомерного видения.

Реакционер - принципиальный отрицатель и сторонник движения вспять, ориентируется на самые худшие ожидания и предчувствия людей, не ждет и от них ничего хорошего, интересного, вызывающего доверие. Считает, что людей можно заставить сдвинуться с места только экстремальными способами. Он не верит в лучшее предназначение человека. Реакционер - такой же авантюрист, как и реформатор, потому что действует "от балды", повинувшись идее.

Я даю описательные определения, потому что они отражают психологию людей. Это своего рода типология наиболее распространенных мировоззрений больших групп людей, оформленная не только в идеологии, политике, иногда - в режиме, но и в бытовом поведении, обыденных рассуждениях. После того, как мир стал более открытым и уязвимым, а политические решения стали приниматься в условиях цейтнотов и массовых миграций, наметилось еще большее стремление к унификации и радикализму в решении национального вопроса. Массовые миграции и высокая рождаемость в среде наименее образованных слоев населения воспринимаются как угроза последним оплотам цивилизации, стихийное бедствие, с которым нужно бороться немедленно с применением самых новых технологических приемов.

Политикам-консерваторам приходится работать в условиях самого жесткого давления справа и слева, уходить от соблазна простых и очевидных решений, за которые потом придется расплачиваться годами.

Консерватор, реакционер и реформатор расходятся в национальном вопросе. Реакционер исходит из превосходства одних наций над другими, считает свою нацию исключительной, миссионерской, богоизбранной. Конечный выход в решении межнациональных конфликтов он видит в установлении доминирования и власти самой достойной из наций.

Реформатор склонен игнорировать сложности межнационального взаимодействия и понимания. Он утопист или футурист. Например, ленинская идея пролетарского интернационализма исходила из принципиального (теоритически) равенства наций. Американская политика "плавильного котла" - пример экзальтированного реформаторства.

Национальный вопрос всегда задает высокую степень сложности в анализе любой ситуации или проблемы, исключает прямые и однозначные шаги. Национальная политика сплошь и рядом ставит нас в тупики, как будто человечество вошло в эпоху неразрешимых задач, сходных с доказательством теоремы Ферма или принципа Пуанкаре.

Упрощение в вопросах национальной политики произошло во всех странах массовой миграции. Я говорю об этом на основании своих многолетних наблюдений, экспедиций в Европу (Францию), Америку (США). Я очень надеялась встретить там более разработанные и продуктивные подходы к урегулированию межнациональных конфликтов. США предлагает промежуточные концепции вроде "политической корректности" или "толерантности" для того, чтобы убрать из обиходного дискурса провоцирующие факторы, способные разжечь межнациональную рознь. Не способствует ли такой подход замалчиванию внутренней неприязни и ксенофобии? Сдерживает ли такая политика резкие суждения в обществе? В любом случае такие промежуточные концепции хороши только тогда, когда существуют инструменты контроля над ситуацией: будь-то общественная мораль или суровый суд. Эти сдерживающие факторы и социальные институты функционируют на определенной территории, ограничены географически. Призыв быть нейтральным, политически корректным, толерантным по отношению к другим - это попытка примирить, сгладить острые, непримиримые отношения, убрать из политического дискурса словесные провокации, призывы к этнической неприязни. С психологической точки зрения толерантным можно стать только тот, кто каждый раз преодолевает свое проблемное отношение к чужим, гасит возникающие инерционно чувства, мысли и эмоции, отказывается от соблазна "называть вещи своими именами". Такое поведение - результат внутренней воли и перевоспитания тех, кто усвоил негативные этнические стереотипы с детства. "Толерантность - это всегда процесс, а не совокупность знаний или алгоритмов поведения в мультикультурном обществе", - считает и мой коллега, семиотик Игорь Клюканов.: Прототипом деления на консерваторов, реакционеров и реформаторов является психологическая классификация типов личности. Юнг в свое время разделил людей на экстрвертов, интровертов, а также выделил промежуточный, умеренный тип. Экстраверсии соответствует тип реформатора и деятеля, революционера и авантюриста. Интроверсии - тип реакционера, мыслителя и критика. Консерватизм - это аналог промежуточного типа, который предпочитает думать перед тем, как что-то сделать. Семь раз отмерь, один отрежь.

Пройдя через многолетний опыт сложных теоретических и эмпирических конструктов, модернизма и постмодернизма, возвращаешься к классике, всегда актуальной, безошибочной и неисчерпаемой.

Есть еще одна аналогия, которая подтверждает, что есть базовые парадигмы в мировоззрении и поведении людей, которые отражаются и в национальных политиках. Это религиозные мировоззрения. Христианство в трех своих вариантах - православии, католичестве, протестантизме - дает три пути решения национального вопроса. Православию соответствует интроверсия, внутренняя концентрация, протестантизму - экстраверсия, внешняя предприимчивость, католичеству - гармония и соразмерность.

Аналогии расширяют наш кругозор, но отнюдь не определяют выводы. Задача психолога, будь то клинический или социальный психолог, заключается не только и не столько в том, чтобы поставить диагноз, выписать рецепт, а в том, чтобы указать норму. Или хотя бы направление, в котором следует стремиться к норме. Норма в гуманитарных науках не так очевидна, как в естественных, с их критическими температурами кипения и замерзания, валентностями электронов и скоростью света. В гуманитарных науках норма контекстуальна (должна переопределяться в разных ситуациях), динамична (ее нельзя определить раз и навсегда), и конвенциональна (люди могут договориться, как будет развиваться событие, как они будут действовать).

Что толку определять норму, если она ускользает, как песок сквозь пальцы? Однако не все так катастрофично. Принципы и подходы к проблеме остаются относительно постоянными. И задача определения нормы остается неизменной.

Ранее я уже говорила о том, что сегодня очень важно выработать и согласовать базовую метафору отношений между США и Россией. Если Россия и США не договорятся, то не договорится никто. Прийти же к единому мнению очень трудно хотя бы потому, что эти страны используют разные подходы в решении национальных внутригосударственных вопросов. И эти различия парадигмальны. Следовательно, помимо политического багажа должен постоянно накапливаться банк данных типичных ситуаций межнациональных конфликтов, проводиться их анализ. Предметом согласований должны быть не только идеи и намерения, но и интерпретации уже готовых фактов.

Методы оценки

Рефлексия требует огромных волевых и мыслительных усилий. Она базируется на систематичности и проверке данных. Здесь я возвращаюсь на свою исследовательскую почву.

Сравнительный анализ поведения людей из разных культур до сих пор оперировал наблюдениями над большими группами людей, опирался на статистические подходы. Но исход событий в условиях межнациональных конфликтов зависит от ситуативных факторов, от структуры самой ситуации. В целях оперативного анализа сложных социальных ситуаций разрабатывается методология качественного анализа.

Вопрос о методологии качественных исследований, наиболее полно представленных в современной этнографии и социологии, стал предметом острых дискуссий относительно недавно (Denzin, N., Lincoln, Y. *The Landscape of Qualitative Research. Theoretical Issues*, Thousand Oaks-London- New Delhi, 1998). Чаще всего собранные данные отличаются эклектикой в описаниях и релятивизмом в анализе, исходят из фрагментарности, разорванности, эпизодичности происходящих в мире событий. Существенное влияние на формирование методологии оказали постмодернистские теории, в первую очередь - работы Ж. Деррида и М. Фуко. Человек рассматривается здесь как элемент описания устойчивого фрагмента реальности, его поведение - как зависимое от сложившихся обстоятельств.

Однако в случае изменяющейся реальности, фокус внимания исследователей переносится на самих участников событий, их инициативу и активность. Наиболее интересные работы и концепты сейчас вырастают из опыта анализа обыденной жизни и опыта психотерапии с представителями традиционной культуры, выходцами из Африки. Усиление общения и циркуляции между континентами приводят к разрушению привычных социальных контекстов проживания людей, сформированных иногда в радикально противоположных обществах. Психологов волнуют культурно заданные сценарии, мотивы и паттерны поведения, которые ограничивают успешную реализацию отдельных людей в изменяющейся жизни.

В качестве принципа, увеличивающего достоверность (валидность) всегда субъективных данных мы называем принцип многократной контекстуализации: вероятность и правдивость событий зависит от того, во сколько устойчивых смысловых систем отсчета "вписывается" событие. Интерпретирующими системами могут быть участники событий, различные наблюдатели, более глобальные социальные процессы, система представлений эпохи, историческая логика и т.д. В

любом случае исследователю предстоит выбирать и двигаться в сложной, многомерной системе координат.

Качественный анализ, таким образом, ставит во главу угла участников событий, их готовность к событию, представления о том, как себя вести. Он позволяет не только описывать события и поведение людей в наиболее приближенных к реальности (валидных) категориях, коллекционировать и вырабатывать общий язык обсуждения ежедневных проблем, которые для участников событий являются житейскими, даже если для политиков это вопросы острые и политические. Он также дает возможность прогнозировать поведение людей, увеличивать рефлексивный потенциал самих участников событий, заставляя их все время отвечать на прагматические вопросы, оставляя за ними право на собственное решение.

В отличие от классического этнографа, описывающего и анализирующего новые культурные ареалы, оперативный этнограф должен провести исследование и экспертизу самыми экономными средствами и в сжатые сроки.

Послесловие.

События в Беслане, как мы знаем, описывались в терминах "войны". Слово "война" прозвучало в обращении президента Путина к нации, было подхвачено журналистами, людьми на улицах. А ведь еще вчера это страшное, критическое слово было краеугольным камнем философии экстремистов и фундаменталистов. Сегодня - это самая ясная формула для объяснения происходящего в России, с помощью слова "война" ситуацию в стране характеризуют официальные лица. Это политическая стратегия может привести одних к демобилизации, других - к панике, деморализации. Таким образом, первая политическая ошибка сделана.

Гарик Сукачев во время телевизионного музыкального марафона НТВ "Сострадание", направленного на сбор средств в пользу жертв бесланской трагедии, сказал, что идет третья мировая война и сейчас, к сожалению, она еще не в самом разгаре. Интервью транслировалось целый день, во всех выпусках новостей. Министр обороны России г-н Иванов первый использовал это слово для обозначения масштаба бедствия. Слова "теракт" и даже "серия терактов" показались недостаточными. Я говорила в интервью "Известиям", "Новым Известиям" и "Российской газете" об ответственности за словесные формулировки и о том, что это слово - провокация, его нельзя бросать походя. В нашей стране и без того наблюдается высокий уровень ксенофобии и национальной неприязни. Ясно, что такая беда и последующие за ней манифестации и сборы средств - это повод и способ консолидировать людей. Но что мы можем предложить им в качестве ежедневной защиты?

Я говорила также о том, что нужно заставить работать полевииков, специалистов по проведению оперативной качественной экспертизы. Они должны проанализировать поведение людей в ситуации теракта. Кто-то исследовал людскую реакцию во время теракта на Дубровке ("Норд-Ост")? Только глубокий качественный анализ должен предшествовать и сопровождать даже локальные политические решения. Совершенно очевидно, что рядовые участники событий сегодня оказываются более влиятельными, чем политики. Политикам не удается прогнозировать поведение масс, потому, что они не изучают их поведение, рассчитывают на то, что договорятся. Такая политика является результатом иллюзий или интроверсии, закрытости, зашоренности в национальном вопросе.

Как психолог, сегодня я могу только указать норму и продемонстрировать методы. Но как женщина, я боюсь, что детская проблема - проблема воспитания и подготовки к жизни в этом конфликтном мире, а также защиты наших детей, так и останется прерогативой женских организаций и педагогических коллективов. Судя по тому, что происходит в последнюю неделю, во время трагедии и после, наши мужчины с нею не справляются.

В психологии понятие национального характера (типичного в культуре) исторически было связано с категорией базовой (модальной) личности и строилось на этнографических описаниях. В этих же работах ставилась проблема влияния практик воспитания, институтов социализации детей на тип формирующейся личности. За рубежом интерес к данной проблематике возродился под влиянием французского социолога П. Бурдьё. Предметом анализа у него стала категория "практика", известная ранее по ортодоксальному марксизму. П. Бурдьё ввел понятие "habitus" - скрытые диспозиции, структурированные, но не очевидные культурные знания, включающие комплекс представлений человека о себе и других. Этот комплекс оказывается более действенным по сравнению с другими, опирающимися на знаниями, полученные в формальном обучении и образовании. Эти диспозиции усваиваются в процессе человеческого опыта. Границы этого опыта задаются конкретными социальными и историческими условиями. "Habitus" содержит богатую возможность производства мыслей, образов, выражений и действий. Эта концепция позволяет избежать редукционистского подхода к культурным практикам и как к процессу механического воспроизводства уже существующих культурных форм, и как к результату произвольной активности автономного субъекта, свободного от социальных и культурных ограничений. Она нацелена на поиск новых теорий и практик обучения.

Проблема выбора культурных орудий, поднятая в свое время Л.С.Выготским, вытесняется проблемой личной инициативы в производстве новых культурных форм поведения самими участниками событий на базе старого, но не очевидного культурного опыта. По нашему мнению, такой подход созвучен работам С.Л.Рубинштейна и его учеников, где похожим образом ставится проблема активности субъекта. Вопрос о соотношении личностных вкладов и культурных детерминант поднимается в статьях, посвященных известной проблеме "культура и личность". Еще одна дискуссия представляется в этой связи особо продуктивной: о роли культурно заданных сценариев в формировании и развитии эмоциональной, наиболее субъективной и драматичной стороны человеческой биографии. Выявить неочевидные, латентные и действенные формы поведения - задача интерпретативного, качественного анализа.